

АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ЭМО

Два удара.
Пауза.
Два удара.

ОЛИМП

87-й, май

87-й, декабрь

88-й, лето

89-й, Новый год

90-й, весна

91-й, август

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ №11

Алексей Довгун

ЭХО

<https://litres.ru/74573938>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если однажды вы услышите собственные шаги раньше, чем сделаете их?

Аркадий привык к тишине. После развода он оборудовал в квартире студию с полной звукоизоляцией — место, где ничто не должно было нарушать покой. Пока однажды не получил старые катушечные записи, найденные в квартире умершей женщины.

На первой плёнке среди обычных семейных звуков обнаруживается странный стук: два удара, пауза, два удара. Аркадий узнаёт собственный ритм.

Сначала он ищет рациональное объяснение. Техническая помеха. Наводка. Чужой микрофон. И действительно, в вентиляции обнаруживается устройство для прослушивания.

Казалось бы, разгадка найдена.

Но на следующей плёнке Аркадий слышит уже не стук.

Он слышит собственные шаги.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Довгун

ЭХО

Рассказ

I

Дверь — на два оборота. Куртка — на вешалку в коридоре. Дальше — комната, которую Аркадий называет студией.

Четырнадцать квадратных метров. Когда квартира снималась три года назад, предыдущие хозяева держали здесь кладовку. Аркадий переделал сам: звукоизолировал стены, потолок, пол. Снял старые обои, наклеил виброизоляцию, поверх — минеральную вату, закрыл гипсокартоном на независимом каркасе. Сверху — акустические панели из плотного поролона, тёмно-серые, почти чёрные. Пол — плавающий, на демпферной подложке. Дверь — тяжёлая, с уплотнителем по периметру, закрывается глухим щелчком.

В комнате тихо. Настолько тихо, что первое время слышно было, как гудит холодильник за стеной, как сосед сверху спускает воду, как где-то далеко, за тремя стенами, работает лифт. Потом ухо привыкло. Теперь слышны только собственные звуки: дыхание, глотки, шорох одежды при повороте на стуле. Иногда — собственный пульс, если долго сидеть неподвижно.

Это нравилось.

После развода тишина стала единственным, что поддавалось контролю. Жена ушла два года назад, забрала собаку и половину книг. Квартиру оставила — оформлена была на Аркадия. Менять ничего не стал: та же мебель, те же лампы, тот же ковёр в коридоре. Только эту комнату переделал.

На столе — компьютер, два монитора, аудиоинтерфейс, наушники — открытые, большие, с толстыми амбушорами. Рядом — катушечный магнитофон «Олимп», купленный на Авито за восемь тысяч, отреставрированный собственными руками. Рядом — кассетный дек, проигрыватель винила, цифровая станция с плагинами. На стене — часы без звука, секундная стрелка идёт плавно, без тиканья.

Аркадий садится, включает компьютер, наливает в кружку кофе из термоса. Термос стоит на полке справа — вставать во время работы не любит. Открывает почту.

Письмо от нового клиента. Мужчина, лет сорока, зовут Дмитрий. Пишет вежливо, без эмоций. Нашёл в шкафу после смерти бабушки коробку с плёнками. Шесть катушечных плёнок, формат четверть дюйма, длина — сто восемьдесят метров каждая. Бабушка умерла год назад, квартиру продали, вещи разбирали. На плёнках — бытовые записи, конец восьмидесятых, начало девяностых. Дмитрий хочет оцифровать, очистить от шумов, получить в высоком качестве. Готов оплатить работу. Просит назвать срок.

Ответ уходит через десять минут. Три недели. Цена —

такая-то за плёнку, плюс очистка, плюс реставрация. Предоплата пятьдесят процентов.

Дмитрий соглашается в тот же вечер. Присылает адрес, чтобы забрать плёнки. Сам Аркадий не едет — вызывает курьера. Курьер привозит коробку на следующее утро.

Коробка картонная, из-под обуви. Внутри — шесть катушек в бумажных конвертах, потрёпанных, с пожелтевшими краями. На конвертах — рукописные надписи карандашом: «87-й, май», «87-й, декабрь», «88-й, лето», «89-й, Новый год», «90-й, весна», «91-й, август». Больше ничего. Ни имён, ни комментариев.

Коробки переезжают на полку слева. Первая — «87-й, май» — распечатана, проверена: без видимых повреждений, без следов плесени, лента не слиплась. Заправлена в «Олимп», подключена через аудиоинтерфейс к компьютеру. Наушники — на уши.

«Play».

Первые секунды — шипение, щелчки, гул ленты. Потом звук становится разборчивым: детский смех, женский голос — «Саша, иди сюда, сфотографирую», мужской голос — «Да подожди ты, торт ещё не донесли». На фоне — телевизор, какая-то песня, звон посуды. Обычная запись. День рождения, судя по всему.

В станции открывается спектральный анализатор. Частоты: верх забит шипением, низ гудит, середина — нормально. Применяется фильтр высоких частот, срезается всё, что

выше двенадцати килогерц. Шипение уходит. Шумодав — щелчки становятся реже. Голос вытаскивается на передний план, телевизор чуть прибран.

Через два часа запись звучит чисто. Детский смех, голоса, звон посуды. Файл сохранён, наушники выключены, спина затекла. Взгляд на часы — прошло четыре часа, время не замечено.

Три шага до стены, разворот, три шага до двери. Так разминаются обычно. Стены близко, но привычно.

Возврат к столу. Второе письмо — от другого клиента, по старому заказу. Ответ. Почта закрыта. Взгляд на плёнку в магнитофоне. Послушать ещё раз, проверить, не пропущены ли артефакты.

Наушники — на уши. «Play».

Запись начинается нормально. Голоса, смех, телевизор. Слушание внимательное, частоты под контролем. На третьей минуте — что-то.

Остановка, перемотка назад. Прослушка.

На фоне, под голосами, под телевизором, — ещё один звук. Очень тихий. Глухой, ритмичный. Как будто кто-то стучит.

Выделен участок, зациклен. Прибрано всё лишнее: голоса, телевизор, смех. Оставлены только низкие частоты, от сорока до двухсот герц. Усиление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.